

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2026-14-1.130-141>
EDN: OEHIUG

УДК 94

ТАТАРСКАЯ РОДОСЛОВНАЯ МАЙКЫ БИ
КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
КАЗАНСКОГО ХАНСТВА И ЕГО НАСЛЕДИЯ

Р.Р. Салихов, Л.Р. Габдрафикова

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
rsalih@mail.ru*

Резюме. Татарские версии родословной Майкы би имеют тесную историческую связь с периодом возникновения Казанского ханства. Глава рода, судя по легендам шеджере и имеющимся источникам, не может быть идентифицирован с образом легендарного Байку, о котором оставил свидетельства Рашид ад-Дин. Также нет никаких оснований ассоциировать его с легендарным предводителем казахских и башкирских родов Майкы би. Судя по имеющемуся документальному материалу, фискальному делопроизводству Российского государства, татарские родословные Майкы би восходят к одному из представителей высшей знати Казанского ханства, который владел значительными территориями в Приуралье. Потомки этого рода, находясь в сословии ясачных татар Казанского уезда, на протяжении XVIII–XX вв. оказывали существенное влияние на социальную, экономическую и религиозную жизнь Приуралья и Казахской степи. Варианты развернутых родословных, с сюжетами о взаимодействии Майкы би и Чингиз-хана, выявленные в XIX – начале XX в. у так называемых табынских родов, скорее всего, являются поздними историческими конструкциями мусульманской интеллигенции региона. В своей основе они также отражают сильное влияние Казанского ханства на территории Западного Приуралья.

Цель статьи заключается в определении исторической достоверности сохранившихся татарских вариантов родословных Майкы би, соотнесенности его с Байку Рашид ад-Дина, выявлении потомков рода и характеристики их деятельности, трансформации и интерпретации исторических событий. Фактологическую основу исследования составили варианты шеджере Майкы би, выявленные и опубликованные Ш. Марджани, М.А. Усмановым, Р.Г. Кузеевым, М.И. Ахметзяновым, а также архивные материалы Российского государственного архива древних актов.

Научная новизна и значимость результатов работы состоит в том, что в ней впервые рассмотрены варианты татарских родословных Майкы би в комплексе с документами официального делопроизводства Российской империи, в контексте региональной истории Казанского уезда XVIII в. Подвергнуты критическому анализу попытки связать средневекового татарского бека Майкы би с легендарными фигурами Байку и Майкы би как лидеров предков ряда тюркских народов.

© Салихов Р.Р., Габдрафикова Л.Р., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: родословные, Казанское ханство, Байку, Майки би, Богатые Сабы, Ш. Марджани, Сеит Хаялин, татары

Для цитирования: Салихов Р.Р., Габдрафикова Л.Р. Татарская родословная Майки би как отражение социальной истории Казанского ханства и его наследия // Золотоордынское обозрение. 2026. Т. 14, № 1. С. 130–141. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2026-14-1.130-141> EDN: OEHIUG

TATAR GENEALOGY OF MAYKI BI AS A REFLECTION OF THE SOCIAL HISTORY OF THE KAZAN KHANATE AND ITS LEGACY

R.R. Salikhov, L.R. Gabdrafikova

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
rsalih@mail.ru*

Abstract. Tatar versions of Maiki bi's genealogy have close historical ties to the period of the emergence of the Kazan Khanate. The head of the clan, judging by the legends of the Shejere and available sources, cannot be identified with the legendary Baiku, described by Rashid ad-Din. There is also no reason to associate him with the legendary leader of the Kazakh and Bashkir clans, Maiki bi. Judging by the available documentary material and the fiscal records of the Russian state, Maiki bi's Tatar genealogy traces back to a member of the highest nobility of the Kazan Khanate, who controlled significant territories in the Urals. The descendants of this family, belonging to the yasak-paying Tatar class of the Kazan district, exerted a significant influence on the social, economic, and religious life of the Urals and the Kazakh steppe from the 18th to the 20th centuries. Variants of expanded genealogies, with stories about the interactions between Maika bi and Genghis Khan, discovered in the 19th and early 20th centuries among the so-called Tabyn clans, are most likely late historical constructs of the region's Muslim intelligentsia. At their core, they also reflect the strong influence of the Kazan Khanate in the Western Urals.

The purpose of this article is to determine the historical authenticity of surviving Tatar genealogies of Maika bi, his relationship with Baiku Rashid ad-Din, identify the descendants of the family, and characterize their activities, transformations, and interpretations of historical events. The factual basis of the study consists of variants of Maika bi's shejere, discovered and published by Sh. Marjani, M.A. Usmanov, and R.G. Kuzeev, M.I. Akhmetzyanov, as well as archival materials from the Russian State Archive of Ancient Documents.

The scientific novelty and significance of the results of this work lies in the fact that it is the first to examine variants of the Tatar genealogies of Maiki bi in conjunction with official records of the Russian Empire, within the context of the regional history of the 18th-century Kazan district. Attempts to link the medieval Tatar bek Maiki bi with the legendary figures of Bayku and Maiki bi as ancestral leaders of several Turkic peoples are critically analyzed.

Keywords: genealogies, Kazan Khanate, Bayku, Maiki bi, Bogatye Saby, Sh. Marjani, Seit Khayalin, Tatars

For citation: Salikhov R.R., Gabdrafikova L.R. Tatar genealogy of Mayki bi as a reflection of the social history of the Kazan Khanate and its legacy. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2026, vol. 14, no. 1, pp. 130–141. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2026-14-1.130-141> (In Russian)

Введение. В средневековой истории государства чингизидов особое место занимает легендарный сподвижник и современник Чингиз-хана, тысячник Байку. Лапидарные сведения о нем, переданные Рашид ад-Дином в «Джами ат-Таравих», стали основой для различных, порой фантастических, интерпретаций этнической истории татарского, башкирского, казахского и других тюркских народов. Имя и образ Байку причудливо трансформировались в поздних тюркских преданиях в одного из крупнейших героев средневековья – Майкы бия, родоначальника различных племенных объединений в Золотой Орде. Постепенно, через устное народное творчество и родословные, сведения о тысячнике Байку, лаконично переданные Рашид-ад-Дином, обросли подробными, многослойными сказаниями, представляющими его как выдающегося деятеля и мыслителя, одного из влиятельнейших правителей в истории предков казахского, башкирского и ряда других народов.

Однако первоисточник Рашид-ад-Дина упоминает Байку всего два раза, повторяя по сути одну и ту же краткую информацию: «Был другой старший эмир, по имени Хушидай Байку. Чингиз-хан отдал его Джочи вместе с войском: он командовал правым крылом войска Бату. В конце жизни он заявил: «я дряхл и слаб и не могу (исполнять это дело)» и привел (одного человека) по имени Элдэкэ из племени Джурьят, на матери которого он некогда женился и сделал (его) своим помощником (наиб), а после того он стал его заместителем (каим-и-макам). В настоящее время там (в Монголии) великие эмиры из его рода заняты тем же делом» [7, с. 172]. Далее, рассказывая о тысячах Джучи, Рашид-ад-Дин, вновь называет имя Байку: «Тысяча Байку (также) бывшего из племени хушин. Он ведал бараунгаром, т.е. войском правой руки» у Джучи. «Этих четырех эмиров с 4000 войска Чингиз хан отдал Джочи хану. В настоящее время большая часть войска Токая и Баяна есть потомство (наследники) этих четырех тысяч, а что прибавилось (к ним) в последнее время, то-из войск русских, черкесских, маджарских и прочих, которые присоединились к ним» [8, с. 275].

Больше никакой более или менее достоверной информации о Байку не имеется, кроме многочисленных преданий и легенд довольно позднего происхождения.

Татарские варианты шеджере Майкы би не позволяют говорить о связи их с легендарным Байку, ни тем более с существовавшими в средневековье уйшинами. Они больше соотносятся с периодом трансформации Золотой Орды во время правления Улуг Мухаммада и возникновением Казанского ханства. Распространение генеалогических линий во главе с Майкы би в Закамье и Приуралье обусловлено влиянием и обширными владениями высших сословий Казанского ханства в этих регионах. Сам Майкы би в этом ряду, вероятнее всего, является позднеордынским и казанским беком периода становления Казанского ханства. Мало того, это даже скорее обобщенный образ влиятельной татарской аристократии, властвовавшей в Поволжье и Приуралье, подобный образу легендарного Кара бека.

Широкое распространение генеалогий, восходящих к Майкы бию, соотносимо в преданиях с Байку Рашид ад-Дина – соратнику и верному подданному Чингиз-хана может быть обусловлено осознанным конструированием со стороны мусульманской тюркской интеллигенции XIX – начала

XX веков, в период ее увлечения концептами этнической истории тюркских народов.

Методы и материалы. В татарской историографии первым к родословным Майки би обратился Шихабутдин Марджани. Он не только выявил и опубликовал два варианта шеджере из с. Богатые Сабы, но и дал комментарий исторической легенде к родословию Гали Чоккрыя, якобы принадлежавшего к племени табын, которое восходит к герою средневекового тюркского фольклора и истории. Необходимо особо отметить осторожность ученого в оценках достоверности данной генеалогии, и в особенности ее толкования. Еще одну версию родословной, восходящей к Майки би выявил в архиве Риззэтдина Фахретдина М.А. Усманов. Он не обратил внимания на личность основателя рода, назвав генеалогию по имени владельца «шаджара Асфандияра», но обозначил время ее возникновения концом XV в. [10, с. 189–190]. Большой вклад в изучение родословных внес уфимский исследователь Р.Г. Кузеев. Он ввел в научный оборот несколько вариантов родословной племени табын, родоначальником которых был Майки би. Основой для комментирования этих генеалогий стали башкирские предания. Именно в его труде концентрируются сведения о взаимодействии Майки би и Чингиз-хана. Сам исследователь при этом отмечал, что родословия в большинстве своем известны, самое раннее, с XIX в., что в них указываются порой совершенно разные имена и не хватает звеньев до событий XIII в. [3, с. 212–217]. Близкими по содержанию работе Р.Г. Кузеева являются исследования археографа М.И. Ахметзянова, который приводит все известные генеалогии, связанные с Майки би и интерпретирует их как источники по древней и средневековой истории татарского народа [11, с. 153–165]. Д.М. Исхаков так же, опираясь на анализ этих шеджере, приходит к глобальным выводам о роли средневековых племен и родов в формировании татарских групп в Приуралье [1, с. 160–176].

Существует четыре варианта татарских генеалогий, восходящих к Майки бию. Три из них связаны с историей непосредственно с. Богатые Сабы (Байлар Сабасы). Две из них выявил и опубликовал в своем труде «Мустафад алахбар фи ахвали Казан ва Булгар» Ш. Марджани:

1) «Мунасиб б. Габдулхак б. Мусалим б. Муску б. Сайид б. Бимадж б. Тимай б. Акмаз б. Галикай б. Айюб б. Давлетьяр б. Йусуф б. Йа'куб б. Рамадан б. Наврушби б. Байки би»;

2) «Мулла 'Абд ал-Хамид б. Динмухаммад б. Шигай б. Мухаммад б. Акман б. 'Аликай б. Дуляджан б. Айюб шейх б. Ходжа шейх б. Юллык шейх ас-Сабави».

Обращает на себя внимание написание имени Майки в первом варианте как Байки би. Причем в другой версии этой же линии начальным предком обозначен Майки би. Вторая родословная, кстати, не содержит имени основного предка Байки. Родство с первой генеалогией подтверждается лишь материалами переписей населения и перекличкой некоторых имен¹. Различия в текстах генеалогий обуславливается еще и тем, что они принадлежат не одной линии, а веткам двух родных братьев, основавших починок Маметева пустошь – Мухаммаду и Тимаю.

¹ РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Кн. 6453. Ч.1-2. Л.652-653-об.; Ф.350. Оп.1. Д.146. Л.452-456; Ф.350. Оп.2. Д.1187. Л.360-об.–364-об.

Легенда этих генеалогий хорошо известна. По ней знатный татарский род, ведший свое происхождение от некоего Байки би, входил в элиту Казанского ханства. Возможно, это были представители высшего духовного сословия средневекового татарского государства, так как, судя по родословной, ряд из них были шейхами и хафизами. Впрочем, учитывая то, что татарские феодалы и правители часто являлись еще и религиозными авторитетами, точно определить социальный статус рода невозможно. После падения Казани в 1552 г., потомки этой династии, вероятно из-за отсутствия безусловной лояльности к новым властям, оказались в податном статусе ясачных татар и мигрировали в малозаселенные, лесные районы бывшего ханства, где и основали в XVII в. починок Маметева пустошь, ныне известный как с. Богатые Сабы.

Важно, что в сабинских вариантах шеджере совершенно не упоминается ни племя уйшин, ни легендарный Байку, ни тем более Чингиз-хан. Количество колен во всех трех вариантах соответствует первой половине XV в., то есть времени возникновения Казанского ханства. Таким образом, речь идет не о событиях XII–XIII вв., не о племенах усуней или табын, а постордынском представителе привилегированного татарского сословия, скорее всего беке, с именем Байки или Майки.

Объективность звеньев родословной на XVII в. подтверждается документами фискального делопроизводства государства. Так в «Переписной книга пригородков Арска, Малмыжа, сел и деревень (дворцовых, помещичьих, монастырских, служилых татар и ясачных) по Арской дороге Казанского уезда, переписи стольника М.С. Супонева, 1678 г.», переписи населения починка Маметева пустошь четко прослеживаются линии основателей населённого пункта Мухаммада, его братьев Тимая и Апаса Акмановых². Источники указывают на еще одну очень интересную особенность – тесную социально-экономическую связь рода с закамскими территориями, Приуральем и Казахской степью и, несмотря на податный статус, серьёзное общественное положение и богатство. Уже в начале XVIII в. практически все семьи села осуществляли активные торговые операции в Казахстане и странах Центральной Азии, и в этой связи использовались правительством в качестве агентов влияния, своего рода дипломатов и толмачей-переводчиков.

Результаты. Своеобразной кульминацией этого процесса стало переселение десятков семей села во главе с уроженцем Маметевой пустоши, ясачным татаринном и потомком Байки би Сеитом сыном Аита Хаялина (линия: Аит – Сеит – Килмамет – Шигай – Мухаммад)³ в Оренбургский край и основание ими большого торгового поселения под Оренбургом Сеитовой слободы.

Жизнь Хаялина дает реальную картину общественного влияния общины с. Богатые Сабы. Будучи по происхождению ясачным татаринном, он в тоже время, с 1735 г. служил переводчиком в Комиссии башкирских дел, участвовал в переговорах от лица правительственных сил с восставшими башкирами, а также осуществлял масштабные коммерческие операции в регионе. Находясь на государственной службе, Сеит Хаялин, приобрел необходимый опыт, связи в среде чиновничества. В 1744 г. он встретился с оренбургским губер-

² РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Кн.6453. Ч.1-2. Л.652-653-об.

³ РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.6453. Л.653; Ф.350. Оп.1. Д.146. Л.456-об.

натором Неплюевым и обговорил с ним условия переселения торговых татар Казанской губернии. На основании жалованной грамоты от 8 августа 1745 г. Хаялину было разрешено переселить 200 татарских семей, которые основали слободу близ Оренбурга, названную в честь Сеита.

Очевидно, что в Маметевой пустоши в тот период были и другие семьи, которые участвовали в усмирении башкирских восстаний, продвигали свои торговые интересы на Урале и в Казахской степи. Ш. Марджани, приводя родословную Байки би, называет его прямого потомка Мунасиба бин Габдельхалика, построившего в конце XVIII в. в селе каменную мечеть. Шихабутдин Марджани отмечал, что купец сумел добиться личного письменного разрешения муфтия Мухаметзяна Хусаинова на это строительство. Кроме того, сохранились сведения о том, что прадед Мунасиба – Москов Сеидов, еще в XVII в. отправился в хадж и на обратном пути остался жить в Стамбуле, где обзавелся новой семьей [6, с. 148].

По материалам 3 государственной ревизии населения за 1762 г. – дед Мунасиба бая – Мусалим Москов (1699–1757) имел самое большое подворье в селе, на котором проживали, помимо детей и жен бая, казахи, ногайцы, башкирцы, а также их семьи. Всего 16 человек. Некоторые из башкирских женщин имели незаконнорожденных детей⁴. Вероятно, они были пленниками, доставшимися Мусалиму Москову в ходе подавления Акаевского восстания 1735 года. Этих людей постепенно женили, выдавали замуж в татарские деревни или переселяли в недавно основанную выходцами из Маметевой пустоши деревню Ташлияр (ныне Муслимовский район РТ). Также, сабинские потомки Байки би в этот период основали село Масагутово по Арской дороге (ныне исчезнувшее с. Мясогутово Муслимовского района РТ).

Показательно, что третья сабинская родословная Байки би, перекликающаяся с первым вариантом, происходившая от Тимая, также связана с продвижением представителей рода на восток, в Оренбургский край. Ее в свое время выявил Р. Фахретдин и опубликовал М.А. Усманов. В изложении последнего, она выглядит так: «Майки би, его сын Нурыш (Турыш), его сын Кырык Садак, его сын Айуб. Во времена Айуба город Казань был захвачен русскими. У Айуба был сын Йосыф, у Йосыфа был сын Рамазан, у Рамазана был сын Йагкуб шейх, у Йагкуба шейха был сын Девлетйар хафиз. У Девлетйара хафиза был сын Улги, у Улги (Өлги) был сын Афаз, у Афазы был сын Тумай, у Тумая был сын Баймич, у Баймича был сын Сайет, у Сайета был сын Габдерахим, у Габдерахима был сын Мохсин, у Мохсина был сын Валит, у Валита был сын Асфандийар, у Асфандийара был сын мелла Гыйззатулла, у мелла Гыйззатуллы был сын мелла Загидулла» [10, с. 189]. Потомки этой линии рода являлись духовными деятелями, по всей видимости, распространявшими исламскую образованность в Казахской степи.

Потомки рода, происходившие от Мухаммада по второму варианту сабинской родословной, описанной Ш. Марджани, также являлись потомственными религиозными деятелями, проповедовавшими в трех соборных мечетях с. Богатые Сабы и в ряде населённых пунктов Заказанья [6, с. 149].

Активное участие ясачных татар починка Маметева пустошь в социально-экономических процессах в Закамье и на Урале в XVII–XVIII вв. можно объяс-

⁴ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1187. Л.360-об.–363.

нить тем, что потомки Байки би, начали возвращаться на территории вотчин, принадлежавших некогда духовенству и правящим сословиям Казанского ханства. На наш взгляд, татарский феодал Байки би имел большие владения в Приуралье, а его потомки не просто сохраняли там свои сильные позиции, но и уже в формате новой торговой и административной деятельности продолжали их усиливать. Все это очень похоже на аналогичную деятельность ясачного татарина д. Адаево Арской дороги Казанского уезда Надира Уразметова, упорно и целеустремленно при поддержке Российского государства, возвращавшего под свой контроль бывшие вотчины предков в Закамье. Имея на руках ярлыки на эти земли еще от казанских ханов, он, также, как и Сеит Хаялин участвовал в подавлении башкирских восстаний, отстаивал интересы правительства в непростом и беспокойном регионе, основывал населённые пункты в «диком поле», стремился к экономическому развитию территорий, входивших в созданную им Надыровскую волость [9, с. 10].

Отголоском памяти об исторических вотчинах феодалов Казанского ханства следует расценивать варианты родословных Майкы би, выявленные на юго-востоке Татарстана и в Приуралье. Показательным в этом смысле является вариант родословия Майкы би, найденный в с. Кызыл Яр Бавлинского района РТ. Он также объединяет жителей сел Старое Тураево и Еркекеево Еркекеевского района Республики Башкортостан. Данное шеджере содержит линию известных имамов Губайдуллиных из с. Байряка (ныне Ютазинский район РТ) предков композитора С.А. Губайдуллиной. Легенда этой родословной рассказывает о Майкы би как о беке, жившем в районе р. Ока (ныне Мечетлинский район РБ). Его потомки – князь Айтуган и мурзы, сыновья Айтугана – Баеш, Байхузя, Ишкуат, Ишмухамет, Масгут пришли в с. Кызыл Яр из земель в бассейне реки Яубазы (ныне Дюртлинский район РБ).

В родословной указывается, что Масгут лишившись княжеского статуса, занялся проповеднической и педагогической деятельностью. Сын Ишкуата – Ибрагим тоже стал имамом и начал историю знаменитой династии духовных деятелей, ишанов Губайдуллиных. Здесь речь идет о XVIII в., когда татарское дворянство массово стало утрачивать свое привилегированное положение и переходить в иные социальные группы населения, в первую очередь, мусульманского духовенства. Однако, документы официального делопроизводства дают несколько иную картину переселения рода в с. Кызыл Яр. Они оказались в этом населенном пункте, прибыв из с. Еркекеево в конце XVIII в. В свою очередь, с. Еркекеево было ими же основано в шестидесятые годы XVIII столетия. Представители династии, находившиеся в сословии ясачных татар, переселились сюда после 3 государственной ревизии 1762 г. из с. Нижние Чершилы (ныне Лениногорский район РТ) [2, с. 20–21]. В свою очередь данный населенный пункт был основан ясачными татарами – выходцами из Заказанья в первой трети XVIII столетия [9, с. 34]. Таким образом, реальные истоки шеджере относятся не к Приуралью. Родословие, скорее всего, является одним из ответвлений, либо параллельной веткой сабинских генеалогий, восходящих к казанскому беку Майкы. Все отсылки к кочевьям в Приуралье и на Урале в легенде родословной являются искаженной фиксацией исторической памяти о земельных владениях семьи в средневековье.

Обсуждение и заключения. Родословие имама и поэта Гали Чоккрыя впервые опубликовал Ш. Марджани. Оно было записано ученым со слов са-

мого Чокрия и приведено во втором томе книги «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар»: «‘Али ибн Салих бин ‘Абдуллах бин Шариф ибн Киик ибн Бурак ибн Исан-хан бин Давлят-бай ибн Давлятяр-би ибн Ходаяр би ибн Ходайкули би ибн Дурман би ибн Калман би ибн Чулман би ибн Аб дал би ибн Ахмад шей би ибн Каратабан би ибн Булгаир би ибн Калман би ибн Улчак би ибн Йалак би ибн Майки би. Каратабан би также называли Карагазиз, Ахмадшей би называли Яракта, Кандар и Гамз. А его нисба была Чулмани». Очевидно, что данное шеджере не имеет никакого отношения к сабинским вариантам. Единственное, что их объединяет – это имя Майки би.

«Наш род происходит от Майки би, друга Чингисхана. Он привез Чингисхану кольцо от его матери, за что удостоился ехать с ним на одной телеге, его называли Уйшин Майки би. Исан-хан был вассалом Чуртмака, одного из казанских ханов, и жил в деревне под названием Джиремче. В деревне Чокыр, в местечке Чырган Кул, они вдвоем соревновались в скачках, стрельбе из лука по мишеням и в борьбе с богатырями. И когда во всем этом Исан-хан вышел победителем, Чуртмак рассердился и стал угрожать: «Мы придем к вам с войском», после чего уехал. Последователи Исан-хана очень испугались и призадумались, а затем, устроив засаду, убили Чуртмак-хана. Опасаясь мести казанцев, они заключили соглашение с русскими и в итоге полностью подчинились им. Это место до сих пор называется Чергэн Кул, а также есть такое, которое называется «место, куда попала стрела Исан-хана». Истина же известна только Аллаху» [5, с. 53].

Марджани достаточно скептически отнесся к историческому содержанию этой генеалогии. Он в частности отметил, недостаточность колен в родословной, чтобы вести речь о периоде Казанского ханства. Кроме того, он справедливо указал не только на то, что никогда не существовало в Казани хана с именем Чуртмак, но и сомнительность утверждения, что переход башкир под власть Московского государства, произошел исключительно из-за страха мести со стороны казанских ханов. Ученый отмечал: «Эти события произошли, когда в Казани еще была мусульманская власть, однако ни одного казанского хана с таким именем не было. Тех поколений, которые он перечисляет до Исан-хана, недостаточно, их должно быть больше. Что же касается отделения башкир от Казанского ханства и их присоединения к Руси, за что им было даровано освобождение от налогов, сохранены их земли и скот, то эти рассказы можно часто услышать... При этом до настоящего времени они ничего не платили в государственную казну, как это делают татары... и другие народы» [5, с. 52–53]. Марджани совсем не упоминает род табын в связи с этим шеджере. Напротив, называет Чокрия представителем племени иректе, видимо со слов самого поэта. В версии же М.И. Ахметзянова данное шеджере относится к кара табынам. То есть, сами предания и устная история вносят существенную путаницу в так называемую систему и иерархию родов в Приуралье. В тоже время, абстрагируясь от конкретного содержания исторической легенды данного родословия, мы видим, что речь идет о вассальной зависимости населения региона от Казанского ханства и его правящих кругов, о чем, кстати, писал в свое время Р.Г. Кузеев [3, с. 217]. Данное обстоятельство сильно сближает родословие с сабинским и кызыл-ярским версиями генеалогии.

Опубликованные Р.Г. Кузеевым другие родословные Майкы би не имеют ничего общего с вышеприведенными вариантами. Впрочем, по составу имен и коленам они также не пересекаются между собой. Роднит их исключительно утверждение о том, что все они происходят от Майкы би. В шеджере племени табын в версии Гали Чокряя дается информация о сора́тничестве Майкы би и Чингиз-хана, а в шеджере племени табын в версии «мугаллима Ермакова» (так в источнике – прим. авт.) говорится о том, что Чингиз-хан дал Майкы бию атрибуты рода и власти. Обращает на себя внимание то, что в обоих случаях сюжеты о Чингиз-хане появляются в тех вариантах, которые составляли и публиковали представители мусульманской интеллигенции XVIII–XX веков. Учитывая их повальное увлечение в то время этнической историей и образами великих предшественников, можно предположить, что увязка родовых шеджере с историей Чингиз-хана и его сподвижника уйшина Байку обязана своим существованием, исключительно благодаря, начитанности и эрудиции имамов и учителей, которые переносили свои исторические предпочтения и идеалы на местную генеалогическую традицию. Первоисточником же легендарных сведений о том, что уйшин Майкы би был другом и соратником Чингиз-хана является татарское историко-фольклорное произведение конца XVII – начала XVIII века «Дэфтэри Чингиз-намэ», принадлежавшего перу анонимного автора, переработавшего в угоду реалиям своего времени и в контексте существования неких тюркских родов и племен региона, летопись Рашид ад-Дина. Не исключено, что привязка родословных Приуралья к этому легендарному уйшину началась благодаря творческой воле создателя «Дэфтэри Чингиз-намэ». Во всяком случае М.А. Усманов характеризует его как автора «мечтательно воспевавшего минувшее, «идеальных» героев прошлого...» [10, с. 131]. В этой связи, вряд ли содержание данного труда может быть фактическим свидетельством реального существования Майкы би как родоначальника и предводителя родоплеменных объединений в Приуралье.

Однако, не обращая внимания на это обстоятельство, в том числе не совсем оправданную трансформацию имени эмира Байку в некоего Майкы бия, используя сомнительную достоверность шеджере как исторического источника, создавая массу допущений, ряд даже очень авторитетных исследователей позволили себе всерьёз и очень информативно рассуждать не только о реальном сосуществовании множества древних тюркских и монгольских племен, их этническом взаимодействии, но и определяющей роли Майкы бия в формировании кыпчакской конфедерации.

Мало того, опираясь на данные родословных, выявленных самое раннее в XIX веке, в научной литературе появились утверждения о том, что именно «кыпчакизированные» племена табынцев и усуней, связанные с именем Майкы бия, составили основу населения Улуса Джучи [4, с. 265]. Причем табынцы, чья связь с Байку Рашид-ад-Дина абсолютно эфемерна, впоследствии якобы влились в состав башкирского, казахского и частично ногайского народов. Таким образом, очевидно, что сомнительная историческая объективность генеалогий и преданий, приводит к аналогичным конструкциям в области этнической истории эпохи Золотой Орды и последующих периодов. Подобные тенденции получили широкое распространение как в башкирской, так и татарской историографии. Среди них можно отметить предположения М.И. Ахметзянова, который, вслед за Р.Г. Кузеевым, и неочевидной полемике с ним пытается,

опираясь на отдаленную лингвистическую близость, соотнести материалы родословных, эпиграфических памятников и топонимов с племенами уйшин и табын, а также фигурой Майки би как неотъемлемой части этнической истории татарского народа. Впрочем, приводимые им обоснования также малоубедительны. Ведь родословные Майки би, Рагмухаммеда и Утяка нельзя назвать родственными по своему происхождению. Так же нет никаких оснований рассуждать о племени табын, учитывая лишь весьма условную историческую соотнесенность имен и личностей легендарных Кара бека и Чуры Нарыкова и неких недоказанных пересечений с ногайским родословными [11, с. 163–164]. Д.М. Исхаков еще более конкретизирует татарское происхождение табынцев, связывая их с группами сибирских татар, расселившихся в Пермском Приуралье в XV веке. Он прямо называет Майки би историческим лицом, представителем клана уйшин, родственного клану тумат. Он отмечает также, что оставшаяся часть племени табын на Урале относится к башкирам подразделения дуван. Данные предположения, при всей их привлекательности, остаются гипотетическими, поскольку опираются исключительно на категоричное утверждение о том, что Майки би был якобы уйшином, а его предшественником некий Темэн – представителем клана Тумат [1, с. 168]. Отсюда строится вся логическая цепочка авторских рассуждений, которая приводит к заключению о масштабном влиянии шейбанидских татар на огромной территории, от Сибири и Урала вплоть до Казани. Но, выводы, сделанные исключительно с опорой на анализ родословных и их легенд, все же больше тяготеют к фольклору, чем к реальным историческим событиям.

Данная методика интерпретации легендарного исторического материала способствует ангажированной полемике в историографиях разных народов об этнической принадлежности средневекового населения Золотой Орды и средневековых татарских государств, создает гипотетическую и малообоснованную картину этногенеза и не способствует раскрытию объективных исторических процессов в Поволжье и Приуралье в средневековье и новом времени.

Выводы. Таким образом казанско-татарские варианты генеалогии Майки би по своему содержанию не дают оснований для подобных исторических гипотез, которые успели стать сегодня историографической традицией. Документальные источники четко подтверждают лишь несколько моментов из этих генеалогий. Первое то, что потомки Майки би – одного из беков Казанского ханства, являлись в XVII–XIX вв. ясачными татарами, второе – они проживали в Заказанье, занимались предпринимательской и духовно-проповеднической деятельностью, имели серьезное благосостояние и общественное влияние в Приуралье, и наконец, содействовали правительству в установлении российского политического и экономического влияния в Казахстане и Центральной Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исхаков Д.М. Средневековая иштякская общность Приуралья и Зауралья: источниковедческий и конкретно-исторический анализ // Археология Евразийских степей. 2019. № 6. С. 160–176.

2. Каримов Т.Т. Ярмекей Суяндуков – основатель деревни Ермекеево Кыр-Еланской поземельной волости Уфимского уезда // Современная наука. Серия Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 18–22.
3. Кузеев Р.Г. Башкирские шежере. Уфа: Башкнигоиздат, 1960. 304 с.
4. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М.: Наука, 1974. 572 с.
5. Марджани Ш. Полезные вести о состоянии Казани и Булгара. (Мустафад аль-ахбар фи ахваль Казан ва Булгар); часть первая / перевод на русский язык; предисловие и перевод с арабского, старотатарского Р.К. Адыгамова. Казань: Магариф, 2022. 216 с.
6. Марджани Ш. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара. (Мустафад аль-ахбар фи ахваль Казан ва Булгар); часть вторая / предисловие и перевод с арабского, старотатарского Р.К. Адыгамова. Казань: Магариф, 2022. 272 с.
7. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 222 с.
8. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 315 с.
9. Татарские селения Юго-Восточного Закамья: очаги просвещения и культуры: коллективная монография / отв. ред. А.И. Ногманов. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2019. 387 с.
10. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. 223 с.
11. Әхмәтжанов М.И. Нугай Урдасы: татар халкының тарихи мирасы. Казан: Магариф, 2002. 343 б.

REFERENCES

1. Iskhakov D.M. “The Medieval Ishtyak Community of the Cis- and Trans-Ural Regions: Source-Based and Specific Historical Analysis.” *Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2019, no. 6, pp. 160–176. (In Russian)
2. Karimov T.T. “Yarmekey Suyundukov – Founder of the Village of Yermekevo, Kyr-Yelan Land Parish of Ufa County.” *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series “Humanities”*. 2024, no. 2, pp. 18–22. (In Russian)
3. Kuzeev R.G. Bashkir Genealogies. Ufa: Bashknigoizdat, 1960. 304 p. (In Russian)
4. Kuzeev R.G. The Origin of the Bashkir People. Moscow: Nauka, 1974. 572 p. (In Russian)
5. Marjani Sh. Useful Reports on the Condition of Kazan and Bulgar (Mustafad al-akhbar fi ahval Kazan wa Bulgar), Part 1. Russian translation; preface and translation from Arabic and Old Tatar by R.K. Adygamov. Kazan: Magarif, 2022. 216 pp.
6. Marjani Sh. Extraction of Reports on the Condition of Kazan and Bulgar (Mustafad al-akhbar fi ahval Kazan wa Bulgar), Part 2. Preface and translation from Arabic and Old Tatar by R.K. Adygamov. Kazan: Magarif, 2022. 272 pp.
7. Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. Vol. 1, Book 1. Moscow–Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1952. 222 p. (In Russian)
8. Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. Vol. 1, Book 2. Moscow–Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1952. 315 p. (In Russian)
9. Tatar Villages of the Southeastern Zakamsk Region: Centers of Enlightenment and Culture. Collective monograph. Ed. by A.I. Nogmanov. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 387 p. (In Russian)
10. Usmanov M.A. Tatar Historical Sources of the 17th–18th Centuries. Kazan: Kazan University Press, 1972. 223 p. (In Russian)
11. Ähmätzhanov M.I. Nugai Horde: The Historical Heritage of the Tatar People. Kazan: Magarif, 2002. 343 p. (In Tatar)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Радик Римович Салихов – доктор исторических наук, академик АН РТ, директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6380-6640, ResearcherID: X-6932-2019, Scopus Author ID: 57203023368. E-mail: rsalih@mail.ru

Лилия Рамилевна Габдрафикова – доктор исторических наук, член-корреспондент АН РТ, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9940-9097, ResearcherID: AAB-8414-2022, Scopus Author ID: 55968390600. E-mail: bahetem@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Radik R. Salikhov – Dr. Sci. (History), Full Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6380-6640; ResearcherID: X-6932-2019, Scopus AuthorID: 57203023368. E-mail: rsalih@mail.ru

Liliya R. Gabdrafikova – Dr. Sci. (History), Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Chief Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9940-9097, ResearcherID: AAB-8414-2022, Scopus AuthorID: 55968390600. E-mail: bahetem@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 02.10.2025

Поступила после рецензирования / Revised 09.02.2026

Принята к публикации / Accepted 02.03.2026